

Ю.С. Фираго (Гродненский государственный университет имени Я. Купалы)

ЖАНРОВО-КОМПОЗИЦИОННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ КНИГИ

«Я ИЗ ОГНЕННОЙ ДЕРЕВНИ...»

А. АДАМОВИЧА, Я. БРЫЛЯ И В. КОЛЕСНИКА

В период Второй мировой войны, как известно, мощнейшей «машинной» массовой уничтожения людей был фашизм. Гитлер и его сторонники начали реализацию своей идеологии незамедлительно, планомерно, беспощадно и целенаправленно. Поставив перед собой план уничтожить как можно больше людей и не оставить ни одного свидетеля преступлений, фашисты выполняли его до конца. Истреблялись не только неудобные фашизму борцы, но и народы, не стал исключением и народ белорусский.

Известно, что территория Беларуси в разные периоды своего существования была ареной боевых действий. Что касается Второй мировой войны, то на Беларусь наступала самая мощная группировка немецких войск – группа армий "Центр". На территории страны развернулось беспрецедентное по своей массовости и упорству антифашистское сопротивление. Все эти действия не могли не отразиться на сознании белорусов, в том числе и передовой интеллигенции. Именно в этой связи спустя два десятилетия после окончания войны у трех белорусских писателей – Алеся Адамовича, Янки Брыля и Владимира Колесника возникло желание запечатлеть в народной памяти удивительный характер советского народа, вынесшего невероятные испытания и победившего в справедливой войне с фашистами. Вот что об этом говорит сам А. Адамович: «Пройти через такую войну, такие страдания и такую ненависть и сохранить «душу живую» – какой для этого «душевный потенциал» должен был иметь народ! Какую силу человечности!» [1; 61].

На протяжении четырех лет писатели собирали материал для книги: ездили по деревням, которые во время войны вместе с жителями были уничтожены фашистами, записывали пронизанные болью свидетельства на магнитофонную ленту, создавая коллективный портрет не только советского народа, но и всего человечества, которому невольно довелось испытать на себе произвол фашизма. В результате совместной работы писателей, с одной стороны, и участников войны, с другой, – в основу книги легло более трехсот исповедей, каждая из которых олицетворяла свою трагическую историю.

Проделав огромную работу, А. Адамович, Я. Брыль и В. Колесник воплотили в произведении главный замысел – «сберечь, удержать, как «плазму», невыносимую температуру человеческой боли, недоумения, гнева, которые не только в словах, но и в голосе, в глазах, на лице, удержать все то, что, как воздух, окружает человека, который рассказывал нам, а теперь со страниц книги обращается к читателю — к вам обращается» [2; 12]. В результате возникло принципиально новое в жанровом отношении документально-художественное философско-психологическое произведение. Книга «Я из огненной деревни...» (магнитофонные записи воспоминаний уцелевших жителей сожженных деревень) стала настоящим отходом от стиливой инертности белорусской военной прозы, которая существовала в 70-е годы. Именно она положила начало «репортажу с места исторического события», репортажу-воспоминанию. Жанр репортажа из прошлого, в котором выдержана книга, возобновляет народную память, состоящую из множества правдивых рассказов о человеке на войне. В соавторстве с писателями был не просто народ, а живая человеческая память. Выражаясь словами М.П. Катюшенко, книгу «Я из огненной деревни» можно отнести к литературе свидетельских показаний. «Неважно, кто дает их, герой или непосредственно автор от своего имени. То и другое обнаруживает стремление довести художественную правду до предельной обнаженной достоверности вплоть до отказа от вымысла» [5;17]. Авторы книги «Я из огненной деревни» были ориентированы в своей работе на объективное воспроизведение доверенных им воспоминаний. Записывая исповеди на магнитофонную ленту, они сумели вос-

создать живые голоса, приблизить воочию страшную военную реальность. При этом, по словам В. Д. Оскоцкого, «выслушивая и записывая собеседников, каждый из соавторов-летописцев настолько проникнулся их невыдуманными исповеданиями, так органично вживался в них, как бы растворял свою писательскую индивидуальность в интонационном, лексическом, стилевом строе склишированного повествования. Доминантой его, естественно, становилось не авторского лица не общее выражение, а выражение лица того, кто приобщает к своей памяти, боли, трагедии» [6; 101].

Книга «Я из огненной деревни...» – это трансформация воспоминаний в письменные документы, поэтому можно утверждать, что она является скорее документом, чем литературным произведением. Повествование разворачивается в направлении охвата существенных сторон описываемых событий: авторы концентрируют внимание на последствиях Второй мировой войны, которые рассказчики пропускают через свою душу. Тем не менее, ценность представляет не только фактографический, достоверный материал, в частности память очевидцев о трагедии белорусских деревень, но и психологический аспект – сопереживание, осмысление воспоминаний и соучастие рассказчиков в беседе. Первостепенное значение в книге имеет жажда «человековедения». Писатели акцентируют свое внимание «на те участки души, где особо болезненны ее изломы, где изломы судьбоносны, где пролегает грань между человеком и видимостью человека, проявляющаяся особенно отчетливо в ситуациях экстремальных» [3; 30]. В книге «Я из огненной деревни...» рассматриваются, с одной стороны, лучшие качества человека, с другой – исследуется его низость, подлость, жестокость, поскольку война столкнула лицом к лицу два противоположных полюса человеческой природы. Несмотря на то, что в произведении представлены две противоборствующие силы: фашизм и белорусский народ, крупным планом даны не палачи, а жертвы, не изверги, а люди, которые смогли в кровавом кошмаре сохранить моральные ценности и победить свой страх. Авторы оказываются своеобразными регистраторами репортажно подаваемой информации. Помня о личном и моральном началах в документально-художественной прозе, они свели количество своих комментариев к минимуму. Неслучайно повествование ведется от первого лица: А. Адамович, Я. Брыль и В. Колесник стремятся передать подлинность пережитого и виденного, донести до читателя дыхание былого, поэтому рассказ ведется от имени самих героев, свидетелей и участников событий. Повествование о войне отличается принципиальной правдивостью, которой писатели достигают с помощью особого характера изложения событий: сохраняют все речевые особенности непосредственных участников описываемых событий. Это позволяет дать реальное представление о местности, рассказчиках и масштабности трагедии.

Исключив из текста свои комментарии, авторы видели свою задачу в другом – расположить материал так, чтобы показать главную проблему произведения, нацелить на нее внимание читателя. Главная роль принадлежит героям, от имени которых ведется повествование. В книге превалирует насыщенный событийный фактор, который достигается с помощью монтажа документального материала. «Я из огненной деревни...» А. Адамовича, Я. Брыля и В. Колесника является своеобразной панорамой литературного описания фактов, событий, виденного и пережитого. В произведении фигурируют реальные люди, достоверность жизни которых определяется фрагментами повествования, дающими представление о роде их деятельности, служебном положении, социальном статусе. Важно отметить, что все это сопровождается богатым иллюстрированным материалом. Следуя примеру Антуана де Сент-Экзюпери и Бруно Шульца, которые впервые соединили художественное слово с изобразительным искусством, сопроводив текст собственными рисунками. Это помогло усилить эффект воздействия произведения на читателя. Авторы исследуемого произведения заменили рисунок фотографиями с места событий. Как отмечает А. Иверс, они «... в алфавитном порядке, по-демократически, поставили под этим произведением свои подписи. И не

нужно догадываться, кто из них лучше. Не нужно. Только разрешите отметить, что снимки с огненных деревень по-мастерски сделал Владимир Андреевич. В то время, когда два других мастера занимались другими важными делами для будущей книги... » [4; 13]. Это очень сложная творческая задача, с которой В. Колесник успешно справился. Фотография предусматривает высокую эмоциональность. Она имеет собственные средства выразительности, свой специфический язык, где образное восприятие мира ставит перед собой цель сохранение строгой документальности. Именно документальность помогает формировать отношение к времени и людям. Иллюстративный материал, помещенный в книге «Я из огненной деревни...», свидетельствует о глубоком понимании авторами человеческих характеров. Герои фотоснимков – простые люди, они рассказывают о своих судьбах. Читатель не может услышать их голосов, они остались на магнитофонных записях, однако, если внимательно присмотреться к фотографиям, то в глазах героев можно увидеть полыхание костров, в которых горели их родные и односельчане. Такие фотоснимки вызывают в душе зрителей эмоциональный отклик, представляющий обобщенный образ народа и людей-мучеников, которые выжили волей судьбы. Фотографичный материал в книге «Я из огненной деревни...» введен авторами с целью эмоционального воздействия на сознание и психологию читателя. Несмотря на трагическую сущность, сцены книги «Я из огненной деревни...» должны остаться в памяти людей. Это свидетельства непосредственных участников войны, их нестерпимая боль и заповедь потомкам.

Из всего вышесказанного можно заключить следующее: книга «Я из огненной деревни...» положила начало новому в белорусской художественной литературе жанру «репортажу с места событий». Живые свидетельства, хранящиеся на кассетах, одновременно приобретают и статус документа, и статус художественной прозы с новым героем, и новой концепцией автора.

Литература

1. Адамович, А. Война и деревня в современной литературе / А. Адамович. – Минск: Наука и техника, 1982. – 197 с.
2. Адамович, А. Я из огненной деревни... / А. Адамович, В. Колесник, Я. Брыль. – М: Советский писатель, 1991. – 710 с.
3. Бойка, У. Алесь Адамович / У. Бойка. Минск: Беларусь, 1989. – 88 с.
4. Іверс, А. Пра Ул. Калесніка. / А. Іверс // ЛіМ – 16 мая, 2003. – С. 13.
5. Катюшенко, М. Жанровые особенности и тенденции развития современной советской документально-художественной прозы о Великой Отечественной войне: Автореф. дис. ... к-та филол. наук: 10.01.02 / Академия общественных наук / М. Катюшенко. – М., 1987. – 23 с.
6. Оскоцкий, В. Д. Мозаика памяти / В. Д. Оскоцкий. – М: Пик, 2008. – 414 с.

С.С. Хоха (Гродненский государственный университет имени Я. Купалы)

ТРАДИЦИИ ФЕДОРА ДОСТОЕВСКОГО В РОМАНЕ УИЛЬЯМА ГОЛДИНГА «ШПИЛЬ»

«Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»

Ф.М. Достоевский

«Факты жизни приводят меня к убеждению, что человечество поражено болезнью... Это и занимает все мои мысли. Я ищу эту болезнь и нахожу ее в самом доступном для меня месте – в себе самом. Я узнаю в этом часть нашей общей человеческой природы, которую мы должны понять, иначе её невозможно будет держать под контролем. Вот поэтому я и пишу со всей страстностью, на какую только способен...»

Сэр Уильям Голдинг